

[...]
Я напишу тебе стишок
о том, как – раз, два, три –
прекрасен утренний снежок
и яркие фонари,

о том, как хорошо вставать
под музыку рассвета,
о том, как – три, четыре, пять –
я ненавижу это.

[...]
Какая жизнь пошла тяжёлая,
какая злая суета...
Огромным городом изжёвана,
приду домой – слаба, пуста.

Улягусь в ванну разусталая –
плывут над ванной облака.
Вот облако одно растаяло,
и светят звезды с потолка.

[...]
У Рябова настроен «Телеграм»,
а дух расстроен.
Я Рябову свой лёгкий дух отдам
и в сердце встрою.

Задышит Рябов часто и светло,
и скажет: «Криста!
Я видел, как сквозь тусклое стекло,
теперь – всё чисто».

[...]
О чем-то я писала, да,
о чем-то думала, страдала –
водопроводная вода
из крана в трубы утекала...

Не напоила, не омыла,
речной волной не развлекла,
а бестолково и уныло
текла.

[...]
Как мало стен в однушке для двоих!
Захочешь быть хоть сколько-то поэтом,
закроешься, зачнешь тоскливый стих,
приходишь ты – за ручкой, за советом –

на пять минут. Проходит два часа.
Тебе звонят, ты куришь на балконе...
И света вечереет полоса,
и щёки упираются в ладони.

Квартплата, власть, фейсбук, электорат,
культура, самиздат, литература...
И сам ты собеседнику не рад,
и падает окурочка на окурочку.

А я уже пролезла две стены,
я съела все конфеты из коробки,
но никакие буквы не видны
на ровно сложенной бумажной стопке.

И никакие не видны стихи
в ближайшем будущем, как равно
и в далёком,
и нужно рыбу чистить для ухи...
И нет смешнее в мире чепухи,
чем навалить любимому с налёком
вот эти стихотворные штрихи.

[...]
Над городом – пасхальный перезвон.
У мамы всё готово для обеда,
и я, поднявшись в полдень, к маме еду
и на ходу застёгиваю сон.

Во сне весна и верба за окном,
и на губах победная молитва –
окончена очередная битва,
и поле брани в холоде стальном,

и я как будто ангел в поле том.
Чернеют лица павших в лунном свете
косыми ранами, и раны эти
я исцеляю огненным крестом.

И тот, кто был посланником небес,
и кто на бой из под земли поднялся –
все, оживая, я могу поклясться,
поют один куплет: Христос воскрес!

Христос воскрес, оплатим за проезд!
Автобус. День. Расстегиваю куртку.
Громоподобный праздничный кондуктор
в конец салона сквозь толпу пролез.

Возьми, кондуктор, деньги и оставь
меня с моими ласковыми снами,
нас всех когда-то дерево познаний
стреножило и выбросило в явь –

с тех пор мы любим спать и сочинять,
и на застольях поднимать бокалы...
Верни, кондуктор, сдачу, что упала,
и расцветёт с тобою благодать.

Скандал. Автобус. Выбираюсь вон.
Обед. Диван. Усталость. Телевизор.
Любовью беспредельною пронизан –
над миром всем – пасхальный перезвон.

[...]
Ещё немного Атаракса
мне на дорожку положи.
Темнеет на бумаге клякса,
и эта клякса – моя жизнь –
её мне тоже положи.

Какая есть – другой не будет,
но «повторится всё, как встарь» –
и мама в семь утра разбудит,
и во дворе моргнёт фонарь,
и «ну, аптекарь, отоварь!»

А, может, и того не будет.
Но завершится всё, что есть –
слепая вереница будней,
светящая Благая весть
и эта бросовая песнь.

Всё заверни, сложи в котомку,
перекрести на дальний путь
дешёвой выцветшей иконкой –
её мне тоже не забудь –
фонариком повесь на грудь.

[...]
Куда пойти из дома сонного
за дорогими разговорами?
Гудит пространство законное
словами вздорными, раздорными.

Зайдёшь в какую-нибудь комнату,
робея дружбы и поэзии,
а попадёшь в кружочек сомкнутый,
где все о памятниках грезят.

Я тоже, в общем, из беспамятных,
но помню слово изначальное,
и я прошу: поставьте памятник
моим родителям печальным.

Не провели, а время сделали
из собственной горячей крови,
и ничего они не ведали
на свете, кроме глаз коровьих.

И ничего они не видели,
а только маялись, работали,
а мира солнечные жители
на их плечах толклись обутыми.

И всё держалось, да и держится,
пока на кухне ранним утром
фиалки розовые нежатся –
на подоконнике протёртом.

Фиалки розовые, синие –
согреты маминой рукою,
а папы руки парусиновые
растили нежностью другою.

Не жизни ярким победителям
и не поэтам этим скверным,
прошу, а памятник родителям
поставьте в Первомайском сквере.

[...]
– Давай про снег! – Про снег уже давно –
и Пастернак, и Бродский, и Тарковский...
Давай-ка лучше просто пить вино
да провожать прошедшее по-свойски.

Все было так, как было быть должно,
Скажи «прощай» и поклонись до пола.

Одно – смешно, сто первое – грешно, –
авось сойдет да ангелы отмолят...

Авось вползем в грядущее «прости»,
пролезем, как библейские верблюды
сквозь новый год, как сквозь пасхальный
стих,
как сквозь петлю прощенного Иуды.

– Но снег, смотри! –

Мне тридцать пятый снег,
что мне смотреть? Что высмотреть
в округе,
в которой робко светит мой ночлег,
где я лежу в засаде и в испуге, –

увы, не утолить могильной жажды,
не застелить последнюю постель,
и этот снег берёзовый однажды
нас выбелит из ленты новостей,

и к чёрту этот снег! – Он не про то!
– А мне плевать, про что вся эта вьюга.
Я спрячусь в прошлогоднее пальто –
за пазухой у дорогого друга,

и там, тихонько плача и смеясь,
я сохранюсь в каком-нибудь остатке,
в котором не смогу уже пропасть –
а ты мне про какие-то осадки...

– Да я про то, как снег идёт в ночи –
спокойно, тихо, ласково, надёжно,
как в нём блестят оконные лучи,
как насмотреться этим невозможно.

[...]

Александр Денисенко

И вино, говорят, не вино, а сплошной
порошок –
всё в России не так, даже птицы летят
как-то худо.
Новогоднюю ель окружают советские
блюда,

и скрипит за окном неприветливый
русский снежок.

Я сказала: не будет меня до конца
января.
Мне ответили: ах, вы, конечно, ту-ту
за границу?
А я враз обернулась обычной серою
птицей
и – ту-ту – усвистала в родные леса
и поля.

Ледяную страну свою домом навеки
избрав,
я со снегом кружилась, ныряла в густые
сугробы
и – как будто бы заново из материнской
утробы –
выплывала нагая, не зная ни зла,
ни добра.

Укачала меня в колыбели таёжной
метель,
и руками белёсыми русский обветренный
холод
обучал вечерами уколами хвойных
иголок,
как согреть и украсить застывшую
в сердце постель.

И когда изловчилась я вьюгой лицо
защищать
и ходить по зазубренным льдинам,
как будто по шёлку,
в темноглазом лесу новогодняя старая
ёлка
научила меня белоснежные песни
слагать.

До конца января я вернулась, стихами
полна,
и запела у серых домов снегурём
красногрудым.
«Всё в России не так, даже птица поёт
как-то худо» –
дорогой и знакомый послышался вздох
из окна.